РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А.М. Горького
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Диалогическая традиция литератур Востока и Запада

10-12 ноября 2026 года

ИМЛИ РАН, Каминный зал

Регламент: доклад до 20 минут, обсуждение 10 минут

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

The Dialogical Tradition in Eastern and Western Literatures

10–12 November 2026

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE, Fireplace Hall

Time limits: 20 minutes per paper; 10 minutes for discussion

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель Оргкомитета

Полонский Вадим Владимирович,
директор ИМЛИ РАН, член-корреспондент Российской академии наук.

Члены Оргкомитета:

Емельянов Владимир Владимирович,
главный научный сотрудник, Восточный факультет, СПбГУ;
Московская Дарья Сергеевна,
зам. директора по научной работе ИМЛИ РАН;
Кукушкина Евгения Сергеевна,
зав. отделом литератур стран Азии и Африки ИМЛИ РАН;
Лидова Наталья Ростиславовна,
старший научный сотрудник отдела теории ИМЛИ РАН;
Петрова Анастасия Андреевна,
старший научный сотрудник ИВИ РАН;
Гумерова Анна Леонидовна,
старший научный сотрудник ИМЛИ РАН
Сергеева Валентина Сергеевна,
старший научный сотрудник ИМЛИ РАН

CONFERENCE ORGANIZING COMMITTEE

Chair of the Organizing Committee

Vadim V. Polonsky, Director of the A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; Professor; Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Members of the Organizing Committee:

Vladimir V. Emelianov
Chief Research Fellow and Professor,
Faculty of Asian and African Studies,
St. Petersburg State University
Daria S. Moskovskaya,
Deputy Director for Research,
A.M. Gorky Institute of World Literature
Evgenia S. Kukushkina,
Head of the Department of Literatures of Asian and African Countries,
A.M. Gorky Institute of World Literature
Natalia R. Lidova,
Senior Research Fellow, Department of Literary Theory,
A.M. Gorky Institute of World Literature
Anastasia A. Petrova,
Senior Research Fellow,
Institute of Oriental Studies,
Anna L. Gumerova,
Senior Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature,
Valentina S. Sergeeva,
Senior Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature

ПРОГРАММА / CONFERENCE PROGRAMME

Регистрация / Registration 9:45
Открытие конференции / Opening of the conference 10:00

Вступительное слово Полонского Вадима Владимировича, директора ИМЛИ РАН, профессора, члена-корреспондента Российской академии наук, доктора филологических наук

Opening Address by Vadim V. Polonsky, Director of the A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; Professor; Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Doctor of Sciences in Philology

Заседание 1/ Session 1
10:15 –13:30

Модератор – Лидова Наталья Ростиславовна
Moderator: Natalia R. Lidova

Емельянов Владимир Владимирович
Главный научный сотрудник, профессор. Восточный факультет, СПбГУ

Темпоральные аспекты шумерских литературных прений

В докладе будут поставлены два вопроса. Первый – это вопрос о типе диалога в шумерских прениях. Согласно Мартину Буберу, участниками диалога могут быть или “Я и Я” (два равноправных субъекта), или “Я и Оно” (где один участник объективирован). Для шумерских прений характерен тип диалога “Оно и Оно”, существующего относительно “Мы”, т.е. коллективной системы ценностей, объективирующей обоих участников диалога. В диалогах этого типа автором доклада выявлен особый хронотоп, связанный с сезонными праздниками древней Месопотамии, справлявшимися в царском дворце или в храме. И второй вопрос – вопрос о привязке каждого диалога к конкретному моменту времени в культовом календаре. В докладе в качестве примеров будут приведены прения Мотыги и Плуга (осенний праздник VIII месяца), Лета и Зимы (праздник урожая в честь Энлиля), Овцы и Зерна (праздники VI-VII месяцев), Земледельца и Скотовода (весенний праздник священного брака). Исследование выполнено по гранту РНФ № 25-18-00531 «Диалогическая речь в текстах Древнего Востока: от инвективы к рассуждению»

Vladimir V. Emelianov
Chief Research Fellow and Professor, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University

Temporal Aspects of Sumerian Literary Disputations

The paper addresses two questions. The first concerns the type of dialogue found in Sumerian disputations. According to Martin Buber, participants in a dialogue may stand in either an “I and I” relation (two equal subjects) or an “I and It” relation (in which one participant is objectified). Sumerian disputations are characterized by an “It and It” type of dialogue, which exists in relation to a “We” – that is, a collective system of values that objectifies both participants. In dialogues of this type, the paper identifies a particular chronotope associated with the seasonal festivals of ancient Mesopotamia, celebrated in the royal palace or in the temple. The second question concerns the attribution of each dialogue to a specific point in the cultic calendar. By way of example, the paper will discuss the disputations between the Hoe and the Plow (the autumn festival of the eighth month), Summer and Winter (the harvest festival in honor of Enlil), Sheep and Grain (the festivals of the sixth and seventh months), and the Farmer and the Herdsman (the spring festival of the sacred marriage).

Неклюдов Сергей Юрьевич
Доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Центра типологии и семиотики фольклора, Российский государственный гуманитарный университет; Российская академия народного хозяйства и государственной службы

Диалог с виртуальным партнером (демоном, зверем, "диким человеком")

В докладе обсуждается проблема коммуникации между человеком и существом, не относящимся к «миру людей». Она чрезвычайно актуальна для народной культуры, особенно архаической, будучи либо подразумеваемой, либо прямо артикулируемой в обрядовых практиках и фольклорных нарративах. Ее решение напрямую зависит от типа контрагента (а это обычно или зверь, или «дикий человек», или представитель потустороннего мира), от тех признаков, которыми он наделяется в той или иной культуре, а также от жанровых заданий конкретного текста – акционального (ритуального) или вербального (сказка, предание, быличка и т. д.).

Sergey Yu. Neklyudov
Doctor of Sciences in Philology (DSc), Professor
Academic Director, Center for Typology and Semiotics of Folklore, Russian State University for the Humanities; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Dialogue with a Virtual Partner (Demon, Beast, "Wild Man")

This paper examines the issue of communication between humans and beings that do not belong to the 'human world'. This issue is particularly relevant in folk culture, where it is implicit or explicitly expressed in rituals and folk narratives. How this issue is resolved depends on the type of counterpart involved (typically an animal, a 'wild man', or a representative of the 'other world'), the attributes that counterpart is endowed with in a given culture, and the specific genre of the text in question -- whether it is action-oriented (ritual) or verbal (fairy tale, legend, *bylichka*, etc.).

Лидова Наталья Ростиславовна
старший научный сотрудник, ИМЛИ РАН

Диалогическая традиция: опыт теоретической реконструкции и систематизации понятий

Под «диалогической традицией» в докладе понимается совокупность теоретических представлений, которые описывают диалог как объект филологического исследования. Сложность их систематизации связана с тем, что диалог как явление одновременно принадлежит нескольким измерениям, которые не всегда эксплицитно разграничиваются. Наиболее фундаментальное противоречие связано с широким и узким пониманием диалога. В узком смысле диалог определяется через набор дифференциальных признаков: наличие не менее двух собеседников, обязательная смена говорящих, взаимопонимание участников, их перцептивная доступность друг другу. В широком смысле диалогичность трактуется как универсальное свойство речи и сознания, когда диалогические отношения устанавливаются не внутри отдельного высказывания, а между произведениями, текстами и культурами. Теоретической базой доклада будут современные теории, рассматривающие диалог в функциональном, структурном, коммуникативном и герменевтическом аспектах.

Natalia R. Lidova
Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

The Dialogic Tradition: A Theoretical Reconstruction and Systematization of Concepts

In the paper the "dialogic tradition" is understood as the body of theoretical work that treats dialogue as an object of philological research. The difficulty of systematizing these conceptions stems from the fact that dialogue, as a phenomenon, belongs simultaneously to several dimensions that are not always explicitly distinguished. The most fundamental contradiction concerns the broad and narrow understandings of dialogue. In the narrow sense, dialogue is defined by a set of differential features: the presence of at least two interlocutors, obligatory turn-taking, mutual understanding among the participants, and their perceptual accessibility to one another. In the broad sense, dialogicality is treated as a universal property of speech and consciousness, whereby dialogic relations are established not within an individual utterance but between works, texts, and cultures. The theoretical base of the paper will draw on contemporary

theories that examine dialogue in its functional, structural, communicative, and hermeneutic aspects.

Глушкова Ирина Петровна
Главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН

«Он» и «Я» в поисках компромисса: итоговая рефлексия Вишрама Бедекара

Вишрам Бедекар (1906–1998), маратхский драматург и кинорежиссер, стал лауреатом премии Литературной академии Индии за мемуары «Одно дерево и две птицы» (*Ek jhāḍ āṇi don pakṣī*, 1984). Название отправляет к древнеиндийскому двустишию из «Мундака-упанишады» (III.1.1.) с бессловесным диалогом двух птиц – одна клюет сладкие ягоды, другая наблюдает за ней. В наиболее общей интерпретации дерево отождествляется с человеческим телом, первая птица – с индивидуальной душой, приобретающей материальный/чувственный опыт, а вторая – с мировой/космической душой, созерцающей действия первой. В автобиографии Бедекара фигурируют два главных персонажа: проживший жизнь «Он» (*hā*), или «потребитель» (*bhoktā*), и комментирующий «Я» (*mī*), или «свидетель» (*sākṣī*), пытающийся понять / объяснить, почему «Он» совершил тот или иной поступок и дающий «Его» поведению этическую оценку. Автор-рассказчик удерживает дистанцию между собой и «двумя птицами» собственного повествования, но именно они коммуницируют друг с другом, нарушая линейность повествования и обеспечивая голографический объем описанию жизни, длиною почти в целый век.

Irina Glushkova
Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

“He” and “I” in Search of a Compromise: Vishram Bedekar’s Concluding Reflections

Vishram Bedekar (1906–1998), a Marathi playwright and film director, received the Sahitya Akademi Award for his memoir *Ek jhāḍ āṇi don pakṣī* (“One Tree and Two Birds,” 1984). The title alludes to an ancient Indian verse from the Mundaka Upanishad (III.1.1), which depicts the wordless dialogue of two birds – one pecking at sweet berries, the other watching it. In the most general reading, the tree is identified with the human body, the first bird with the individual soul gaining material and sensory experience, and the second with the universal/cosmic soul contemplating the actions of the first. Bedekar’s autobiography features two main characters: the “He” (*hā*), who has lived a life, or the “consumer” (*bhoktā*), and the commenting “I” (*mī*), or the “witness” (*sākṣī*), who tries to understand and explain why “He” committed this or that act and passes ethical judgment on “His” behavior. The author-narrator maintains a distance between himself and the “two birds” of his own narrative, yet it is precisely they who communicate with each other, disrupting the linearity of the narrative and lending holographic depth to the depiction of a life spanning nearly a century.

Гад Барнеа
Старший научный сотрудник, Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого

«Кто сотворил свет? Кто сотворил тьму?» Космогонический диалог и божественное знание в Ясне 44, Второисайе и литературе периода Второго Храма

В Ясне 44 повторяющаяся формула «Это я спрашиваю Тебя – скажи мне правду, Ахура» организует ряд вопросов о происхождении и устройстве космоса. Вопросительная речь выступает здесь не только как литературная форма, но и как способ познания:

человеческий вопрошающий обращается к божеству как источнику истинного знания. Сходные космогонические вопросы во Второисайе (Ис 40–45) получают иную прагматическую функцию: божественный и пророческий голос посредством вопросов выявляет неспособность людей и других богов знать и истинно возвещать. В докладе эти две модели будут рассмотрены в сравнении с вопросительной поэтикой ведийских космогонических гимнов (РВ 10.81–82, 10.121, 10.129). Сопоставление позволяет поставить вопрос не только об общих космогонических мотивах, но и о роли вопрошания в установлении знания и божественного авторитета. В заключение будет кратко рассмотрено дальнейшее развитие практики вопрошания в произведениях, найденных в Кумране, таких как 4Qinstruction

Gad Barnea
Senior Research Fellow, Carl von Ossietzky Universität Oldenburg

Who created the light? Who created darkness?" Cosmogonic Dialogue and Divine Knowledge in Yasna 44, Second Isaiah, and the Second Temple Period

In Yasna 44, the repeated formula "I ask You – tell me the truth, Ahura" organizes a series of questions about the origin and structure of the cosmos. Interrogative speech here functions not only as a literary form but also as a method of cognition: the human questioner addresses the deity as the source of true knowledge. Similar cosmogonic questions in Second Isaiah (Isaiah 40–45) acquire a different pragmatic function: the divine and prophetic voice, through questions, reveals the inability of humans and other gods to know and proclaim truth. In this paper, these two models will be examined in comparison with the interrogative poetics of the Vedic cosmogonic hymns (RV 10.81–82, 10.121, 10.129). This comparison allows us to consider not only common cosmogonic motifs but also the role of questioning in establishing knowledge and divine authority. Finally, the further development of the practice of questioning in works found at Qumran, such as the 4QInstruction, will be briefly considered.

Куликов Леонид Игоревич
Гентский университет
Диалог Ямы и Ями (RV 10.10): риторика, стилистика, логика построения

В докладе исследуются особенности одного из самых примечательных диалогических текстов в ведийской традиции – гимна-диалога Ригведа 10.10, представляющего собой драматичный и чрезвычайно эмоциональный диалог первых людей – Ямы и его сестры-близнеца Ями. Гимн характеризуется целым рядом стилистических и грамматических особенностей: повторы фрагментов речи собеседника в реплике-ответе, обращение к собеседнику в 3ем лице, использование сложных риторических приемов, таких как reductio ad absurdum. Предлагается лингвистический и филологический анализ этих особенностей, позволяющий предложить новую интерпретацию для некоторых неясных фрагментов этого гимна-диалога.

The Dialogue between Yama and Yamī (RV 10.10): Rhetoric, Stylistics, and the Logic of Construction

The paper examines the distinctive features of one of the most remarkable dialogic texts in the Vedic tradition – the dialogue hymn Ṛgveda 10.10, a dramatic and highly emotional conversation between the first human beings, Yama and his twin sister Yamī. The hymn is characterized by a number of stylistic and grammatical features: the repetition in a response of fragments of the interlocutor's speech, third-person address to the interlocutor, and the use of complex rhetorical devices such as *reductio ad absurdum*. The paper offers a linguistic and

philological analysis of these features, which enables a new interpretation of certain obscure passages in this dialogue hymn.

Перерыв на обед / Lunch break
13:30–14:30

Заседание 2 / Session 2
14:30–18:00

Модератор – Емельянов Владимир Владимирович
Moderator: Vladimir V. Emelianov

Емельянов Владимир Владимирович
Главный научный сотрудник, профессор. Восточный факультет, СПбГУ

Представление проекта «Диалогическая речь в текстах Древнего Востока: от инвективы к рассуждению»

В проекте впервые ставится задача исследовать литературные тексты на языках Древнего Востока, содержащие диалогическую речь. Предполагается перевести на русский язык и изучить опубликованные литературные тексты, записанные на глине и твердых материалах в III-I тыс. до н.э. на шумерском, аккадском, египетском, хеттском языках, а также древние тексты на санскрите, записанные в средние века на мягких материалах. Исследование будет проведено в следующих аспектах: 1) лексико-грамматический анализ; 2) анализ поэтики и стилистики; 3) анализ исторических реалий; 4) анализ идейного содержания. Результаты исследования должны быть опубликованы в научных изданиях на русском и английском языках. В последний год проекта планируется издание коллективной монографии (антологии), содержащей аналитические статьи и сборник комментированных переводов на русский язык. Актуальность и научная значимость проекта обусловлены особой ролью диалога и диалогической речи в современной истории литературы, истории искусств и философской герменевтике. Диалоги древнего Востока в равной мере предшествуют философским диалогам Платона, диспутам богословов монотеизма и спектаклям первых театров. Их композиция, форма и содержание свидетельствуют об эволюции рационального рассуждения, рождающегося в результате полемики. Использованные в ним приемы воздействия на волю оппонента постепенно становятся формами убеждения в правоте логической или этической позиции. На примере диалогов древнего Востока лучше всего можно проверить и подвергнуть критике несколько основных положений современной научной картины мира: 1) любая форма осмысления и систематизации данных внешнего мира может быть представлена как философия; 2) для древних авторов Востока познание свойств внешнего мира недоступно, поскольку они рассматривали познание как совокупность письменных знаков и ассоциаций между ними; 3) основным типом мышления людей на древнем Востоке было эмпирическое мышление; 4) история познания является историей пути человеческого разума от Мифа к Логосу, от нерационального мышления к эксплицированной логике. Работа по реализации проекта будет осуществляться в трех направлениях: а) изучение и перевод источников., б) написание аналитических статей., в) подготовка коллективной монографии по теме гранта, а именно, антологии, которая будет содержать как аналитические статьи, так и переводы диалогических текстов на русский язык. Важнейшей задачей своего исследования авторы проекта видят выделение и изучение тех особых структур рассуждения и аргументации, которые предшествовали философской и научной теории как форме мышления, сформировали способность к научному познанию мира и при этом не были непосредственно связаны с мифологическим мышлением.

Предполагаемый результат может использоваться в работах специалистов по истории литературы Древнего Востока, истории Древнего Востока, интеллектуальной истории, истории познания, истории идей, философии культуры, философской герменевтике и философской антропологии. Исследование выполнено по гранту РНФ № 25-18-00531 «Диалогическая речь в текстах Древнего Востока: от инвективы к рассуждению»

Vladimir V. Emelianov
Chief Research Fellow and Professor, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University

Project Presentation: "Dialogic Speech in Ancient Near Eastern Texts: From Invective to Reasoning"

This project is the first to undertake the study of literary texts in the languages of the Ancient East that contain dialogic speech. It is planned to translate into Russian and study published literary texts preserved on clay and other durable materials from the 3rd–1st millennia BCE in Sumerian, Akkadian, Egyptian, and Hittite, as well as ancient Sanskrit texts written in the Middle Ages on perishable materials. The research will be conducted in the following aspects: 1) lexico-grammatical analysis; 2) analysis of poetics and style; 3) analysis of historical realities; 4) analysis of ideological content. The results of the research are to be published in scholarly editions in Russian and English. In the final year of the project, it is planned to publish a collective monograph—an anthology—containing analytical articles and a collection of annotated translations into Russian. The relevance and scholarly significance of the project stem from the special role of dialogue and dialogic speech in contemporary literary history, art history, and philosophical hermeneutics. The dialogues of the Ancient East precede Plato's philosophical dialogues, the disputations of the theologians of monotheism, and the performances of the first theatres alike. Their composition, form, and content testify to the evolution of rational argumentation born of polemic. The devices used in them to influence an opponent's will gradually become means of persuasion regarding the correctness of a logical or ethical position. It is precisely through the example of the dialogues of the Ancient East that several fundamental tenets of the contemporary scientific worldview can best be tested and subjected to criticism: 1) any form of understanding and systematizing data of the external world can be presented as philosophy; 2) for ancient Eastern authors, knowledge of the properties of the external world is inaccessible, since they regarded cognition as a totality of written signs and associations among them; 3) the dominant mode of thought among the peoples of the Ancient East was empirical; 4) the history of cognition is the history of the human mind's path from Myth to Logos, from non-rational thought to explicit logic. The project will be implemented in three areas: a) study and translation of sources; b) writing analytical articles; c) preparation of a collective monograph on the grant theme—an anthology containing both analytical articles and translations of dialogic texts into Russian. The authors regard the most important task of the project as identifying and studying the specific structures of reasoning and argumentation that preceded philosophical and scientific theory as a form of thought, shaped the capacity for scientific cognition of the world, and at the same time were not directly tied to mythological thought. The expected results may be useful to specialists in the history of Ancient Eastern literature, the history of the Ancient East, intellectual history, the history of cognition, the history of ideas, the philosophy of culture, philosophical hermeneutics, and philosophical anthropology. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00531 «Dialogical speech in the texts of the Ancient East: from invective to reasoning».

Гаврилова Юлия Борисовна
Научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности диалогической речи в шумерском тексте «Перебранка двух женщин», начало II тыс. до н.э.

Текст «Перебранка двух женщин», состоящий из многочисленных фрагментов на шумерском языке с частичным аккадским двуязычием, датирован началом II тыс. до н.э. и встречается в копиях из разных городов Двуречья до 1600 г. до н.э., что свидетельствует о его важности для письменной традиции Месопотамии. Текст составлен на шумерском социолекте *эмесаль*, который использовался как язык храмовых певцов, богинь, жриц и прорицательниц до самого конца истории Древней Месопотамии. В заключительной части, где вводится речь мужчин – царя города и глашатая – текст написан на классическом шумерском языке *эмегир*.

Диалог-спор был традиционным для шумерской писцовой школы жанром, в текстах которого спорщиками выступали основные жизнеобеспечивающие и жизнеопределяющие для Шумера феномены, такие как Мотыга и Плуг, Овца и Зерно, Лето и Зима, Рыба и Птица, Земледелец и Скотовод, Медь и Серебро, Тамариск и Пальма, Дерево и Тростник. В «Перебранке двух женщин» впервые в истории Месопотамской литературы участниками диалога являются обычные горожанки, одна из которых обратилась в суд за справедливостью. «Перебранка» одновременно продолжает и развивает традицию записанных словопрений, и свидетельствует о начале развития драматического жанра.

Начинается текст со взаимных инвектив двух соперниц, которые интересны и по форме, и по содержанию – здесь мы видим совершенно живую разговорную речь людей. Одна из соперниц изъясняется исключительно инвективами, речь другой более похожа на литературный язык и содержит довольно отвлеченные и абстрактные понятия. На протяжении всего диалога читатель наблюдает, как речь человека приводит его к победе и в диспуте, и в судебном деле, и как – напротив – губит его. Главным судьей выступает богиня Истины, известная шумерам как дочь Уту – бога справедливости.

Наиболее важными результатами исследования являются следующие выводы: самость человека как таковая в тексте герметична и реализуется через перечисление свойств при обращении к третьим лицам; основным приемом идентификации женщины как части клана является ее принадлежность к дому ее отца; правота участника спора заключается в его способности мыслить и говорить, используя обобщающие и абстрактные понятия; право и возможность взывать к божеству доступны только очевидно и изначально невиновному участнику спора. Исследование выполнено по гранту РНФ № 25-18-00531 «Диалогическая речь в текстах Древнего Востока: от инвективы к рассуждению»

Yulia B. Gavrilova
Research Fellow, St. Petersburg State University

Distinctive Features of Dialogic Speech in the Sumerian Text “The Quarrel of Two Women” (Early 2nd Millennium BCE)

The text “The Quarrel of Two Women,” preserved in numerous Sumerian fragments with partial Akkadian bilingual elements, is dated to the early 2nd millennium BCE and is attested in copies from various Mesopotamian cities as late as 1600 BCE, which attests to its importance for the written tradition of Mesopotamia. The text is composed in *Emesal*, a Sumerian sociolect that served as the language of temple singers, goddesses, priestesses, and prophetesses until the very end of ancient Mesopotamian history. In the concluding section, where male speech – that of the city king and the herald – is introduced, the text is written in standard Sumerian, *Emegir*.

The disputation was a traditional genre of the Sumerian scribal school, in which the disputants were the principal phenomena that sustained and defined life in Sumer, such as the Hoe and the Plow, Sheep and Grain, Summer and Winter, the Fish and the Bird, the Farmer and the

Herdsman, Copper and Silver, the Tamarisk and the Palm, and the Tree and the Reed. In “The Quarrel of Two Women,” for the first time in the history of Mesopotamian literature, the participants in the dialogue are ordinary townswomen, one of whom has appealed to a court for justice. At the same time, the “Quarrel” continues and develops the tradition of recorded verbal contests and attests to the incipient development of the dramatic genre. The text opens with an exchange of invectives between the two rivals, which are interesting in both form and content: here we encounter the lively colloquial speech of real people. One of the rivals expresses herself exclusively in invectives; the other’s speech is closer to literary language and contains rather abstract and generalized concepts. Throughout the dialogue, the reader observes how one person’s speech leads her to victory in both the dispute and the legal case, while, by contrast, another’s speech brings about her ruin. The chief judge is the goddess of Truth, known to the Sumerians as the daughter of Utu, the god of justice. The study’s main conclusions are as follows: human selfhood as such is hermetic in the text and is realized through the enumeration of qualities when third parties are addressed; the principal means of identifying a woman as a member of a clan is her belonging to her father’s household; the rightness of a participant in the dispute consists in his or her ability to think and speak using generalizing and abstract concepts; and the right and the possibility of appealing to the deity are available only to the participant in the dispute who is manifestly and originally innocent. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00531 «Dialogical speech in the texts of the Ancient East: from invective to reasoning».

Федорова Елизавета Алексеевна
Аспирант, инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет

Типы аргументов в аккадских спорах

Доклад посвящен способам аргументации, характерным для жанра спора в аккадской литературе. Всего до нас дошло девять текстов, написанных в форме диалога между растениями или животными, каждое из которых пытается аргументировать свое превосходство над собеседником. При ближайшем рассмотрении эти аргументы можно разделить на несколько групп. Большая часть доводов касается пользы, которую растения и животные приносят людям разных профессий. Также часто встречаются аргументы, связанные с близостью к царям и знати. В подкрепление своих слов участники споров могут цитировать канонические литературные произведения или приводить пословицы. В некоторых спорах встречается способ аргументации, основанный на толковании названий растений и животных. Желая принизить соперника, говорящий может отмечать его дурной характер или поведение. Неоднократное употребление подобных доводов говорит о том, что аргументация в спорах строилась не случайным образом, но подчинялась определенным правилам и шаблонам. Исследование выполнено по гранту РНФ № 25-18-00531 «Диалогическая речь в текстах Древнего Востока: от инвективы к рассуждению»

Elizaveta A. Fedorova
Research Engineer and Postgraduate Student, St. Petersburg State University

Types of Arguments in Akkadian Disputations

This paper examines the methods of argumentation characteristic of the disputation genre in Akkadian literature. Nine texts survive, all written in the form of a dialogue between plants or animals, each seeking to establish its superiority over its opponent. On closer examination, these arguments fall into several groups. Most concern the benefits that plants and animals provide to people of various professions. Arguments based on proximity to kings and the nobility are also

common. To support their claims, disputants may quote canonical literary works or cite proverbs. Some disputations employ an argumentative method based on interpreting the names of plants and animals. To discredit a rival, a speaker may point to the rival's bad character or behavior. The recurrence of such arguments indicates that argumentation in the disputations was not constructed at random but followed certain rules and patterns. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00531 «Dialogical speech in the texts of the Ancient East: from invective to reasoning».

Петрова Анастасия Андреевна
Старший научный сотрудник СПбГУ

Диалог как прием в древнеегипетских текстах

В докладе будут рассмотрены, проанализированы и систематизированы примеры использования формата диалога в древнеегипетских текстах различных жанров (в первую очередь, в литературных, религиозных текстах и текстах поучений). Будут затронуты следующие вопросы: функции диалога как литературного и риторического приема, принципы построения диалога, лексические шаблоны для оформления диалогов, сравнение использования диалогов в текстах разных жанров. Исследование выполнено по гранту РНФ № 25-18-00531 «Диалогическая речь в текстах Древнего Востока: от инвективы к рассуждению»

Anastasia A. Petrova
Senior Research Fellow, St. Petersburg State University

Dialogue as a Device in Ancient Egyptian Texts

The paper examines, analyzes, and systematizes examples of the use of dialogue as a device in ancient Egyptian texts of various genres (primarily literary, religious, and instructional texts). It addresses the following questions: the functions of dialogue as a literary and rhetorical device, the principles governing the construction of dialogue, lexical templates for framing dialogues, and a comparison of the use of dialogue in texts of different genres. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00531 «Dialogical speech in the texts of the Ancient East: from invective to reasoning».

Шелестин Владимир Юрьевич
Старший научный сотрудник СПбГУ

Разговоры со своей душой в хеттских диалогах

С 1926 г. вслед за Г. Эелольфом хеттское выражение *PANI* ZI-*ŠU memi*- 'говорить перед своей душой' понимают как указание на внутреннюю речь, однако его исследования ограничивались изучением представлений хеттов о душе и процессе мышления. При этом хеттские нарративы отличает высокая степень диалогизма, хотя отдельный жанр диалога хеттской литературе почти не известен. В докладе анализируется внутренняя речь в хеттских текстах с точки зрения места в их диалогической структуре. Для хеттского эпоса характерны многочисленные повторы, связанные с передачей претворения замыслов в реальность, но внутренняя речь обычно не находит отражения в диалогах, что связано с её функцией инструмента познания. Способностью к познанию в представлении хеттов были наделены только одушевлённые сущности, хотя способность к речи обнаруживают и неодушевлённые, и структура хетто-хурритских притч проводит ясную грань между этими классами существ, только первый из которых обращается к своей душе перед действием.

Исследование выполнено по гранту РНФ № 25-18-00531 «Диалогическая речь в текстах Древнего Востока: от инвективы к рассуждению»

Vladimir Yu. Shelestin
Senior Research Fellow, St. Petersburg State University

Conversations with One's Soul in Hittite Dialogues

Since 1926, following H. Ehelolf, the Hittite expression *PANI ZI-ŠU memi-* 'to speak before one's soul' has been understood as an indication of inner speech; his research, however, was limited to Hittite ideas about the soul and the process of thinking. At the same time, Hittite narratives are distinguished by a high degree of dialogism, although a separate genre of dialogue is almost unknown in Hittite literature. This paper analyzes inner speech in Hittite texts in terms of its place within their dialogic structure. Hittite epic is characterized by numerous repetitions associated with conveying how intentions are realized in reality, but inner speech usually finds no reflection in dialogues, which is connected with its function as an instrument of cognition. In the Hittite conception, only animate entities were endowed with the capacity for cognition, although inanimate ones also display the capacity for speech; the structure of Hittite-Hurrian parables draws a clear line between these classes of beings, and only the first of them addresses its soul before acting. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00531 «Dialogical speech in the texts of the Ancient East: from invective to reasoning».

Лучина Татьяна Владимировна
Младший научный сотрудник СПбГУ

Сказание об аскете Випуле в контексте диалогов «Анушасана-парвы» (Махабхарата. XIII. 40-43).

«Анушасана-парва» (Книга наставлений) представляет собой диалоги умирающего царя Бхишмы и молодого царя Юдхиштхиры о дхарме. Важной частью книги являются рассуждения о браке, семье и наследовании (главы 38-49). Именно в них проводится сказание об аскете Випуле. Подвижник Девашарма уходит совершать жертвоприношение и просит своего ученика Випулу, чтобы тот защитил его жену Ручи от преследований бога Индры. Тогда благочестивый Випула, благодаря накопленному тапасу (духовной энергии), вселяется в тело Ручи, что позволяет ему контролировать все ее поступки. Интересно, что этот сюжет привлекал внимание исследователей, но только в контексте йоги, ведь вселение в тело другого – одна из йогических способностей *(parakāya praveśa).* Например, история Випулы упоминается в известной книге М. Элиаде "Йога. Бессмертие и свобода". Что касается древнеиндийской литературы, то данное сказание содержится только в диалогах "Анушасана-парвы". Поэтому в данном случае особенно интересен контекст этих диалогов. Так, семейная тема начинается с рассказа о порочности женщин и о том, что защитить женщину от дурного поступка получилось только однажды у аскета Випулы. После же этого сказания Бхишма переходит к наставлениям в брачной и семейной дхарме (главы 44-49). В данных главах эпический текст очень похож на дхармашастру, причем одна из ключевых идей этих наставлений – необходимость постоянной опеки над женщиной в течение всей жизни, где ее опекуны – отец, муж, взрослый сын (аналогично шастрам). Поэтому мы можем предположить, что сказание о Випуле является образным представлением этико-правовой концепции опеки, ведь опекун тоже, по сути, «замещает» собой своего подопечного в мирских делах. Исследование выполнено по гранту РНФ № 25-18-00531 «Диалогическая речь в текстах Древнего Востока: от инвективы к рассуждению»

Tatiana V. Luchina
Junior Research Fellow, St. Petersburg State University

The Tale of the Ascetic Vipula in the Context of the Dialogues of the Anuśāsana Parva (Mahābhārata XIII. 40–43)

The Anuśāsana Parva (Book of Instructions) consists of a series of dialogues between the dying king Bhīṣma and the young king Yudhiṣṭhira on dharma. An important part of the book consists of discussions of marriage, family, and inheritance (chapters 38–49). It is precisely there that the tale of the ascetic Vipula appears. The ascetic Devaśarman goes away to perform a sacrifice and asks his pupil Vipula to protect his wife Ruci from the advances of the god Indra. The pious Vipula then, by means of accumulated tapas (spiritual energy), enters Ruci's body, which enables him to control all her actions. This plot has attracted scholarly attention, but only in the context of yoga, since entering another body is one of the yogic powers (*parakāya praveśa*). For example, the story of Vipula is mentioned in M. Eliade's well-known book "Yoga: Immortality and Freedom". As regards ancient Indian literature, this tale is found only in the dialogues of the Anuśāsana Parva. The context of these dialogues is therefore especially significant here. Thus, the family theme begins with an account of the depravity of women and of the fact that the ascetic Vipula succeeded only once in protecting a woman from a wicked deed. After this tale, Bhīṣma proceeds to instructions on marital and family dharma (chapters 44–49). In these chapters the epic text closely resembles a dharmaśāstra, and one of the key ideas of these instructions is the necessity of constant guardianship over a woman throughout her entire life, her guardians being her father, husband, and adult son (as in the śāstras). We may therefore suppose that the tale of Vipula is a figurative representation of the ethico-legal concept of guardianship, since a guardian likewise, in essence, "substitutes" for his ward in worldly affairs.
The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00531 «Dialogical speech in the texts of the Ancient East: from invective to reasoning».

Миронова Александра Вадимовна,
доцент исторического факультета, Государственный академический университет гуманита́рных наук

Диалог человека и чудовища: календарно-астрономический подтекст бесед со змеями и крокодилами в египетских сказках

В докладе исследуется календарно-астрономический подтекст вербального взаимодействия человека с хтоническими персонажами в «Сказке о потерпевшем кораблекрушение» и папирусе Весткар. Автор рассматривает контраст между ритуальным диалогом-дознанием моряка со Змеем и директивными приказами жреца Убаинера восковому крокодилу, доказывая связь их речевых и поведенческих паттернов с циклами видимости созвездия Гидры. Временные маркеры в речи героев отражают астральную логику. Четыре месяца пребывания моряка на острове соответствуют сезону жатвы и вхождению Солнца в созвездие Тельца, а мотив упавшей звезды, погубившей потомство Змея, интерпретируется как прохождение Солнца через созвездие Рака мимо «головы» Гидры. Уцелевший скиталец уподобляется праведной душе, прошедшей Зал суда, где змей и крокодил выступают амбивалентными стражами (аналогами Аммат, Нехебкау и Апопа). Чудовища египетской прозы предстают вершителями правосудия, чьи действия определялись законами Маат.

Aleksandra V. Mironova
Associate Professor, Faculty of History, State Academic University for the Humanities

Dialogue between a Human and a Monster: The Calendar-Astronomical Subtext of Conversations with Snakes and Crocodiles in Egyptian Tales

This paper examines the calendar-astronomical subtext of verbal interaction between humans and chthonic characters in “The Tale of the Shipwrecked Sailor” and the Westcar Papyrus. It analyzes the contrast between the ritual dialogue-interrogation between the sailor and the Serpent and the directive orders that the priest Ubaoner gives to the wax crocodile, showing that their speech and behavioral patterns are linked to the cycles of visibility of the constellation Hydra. Temporal markers in the characters’ speech reflect astral logic. The sailor’s four months on the island correspond to the harvest season and to the Sun’s entry into the constellation Taurus, while the motif of the fallen star that destroyed the Serpent’s offspring is interpreted as the Sun’s passage through the constellation Cancer past the “head” of Hydra. The surviving sailor is likened to a righteous soul that has passed through the Hall of Judgment, where the serpent and the crocodile act as ambivalent guardians (analogues of Ammit, Nehebkau, and Apophis). The monsters of Egyptian narrative emerge as agents of justice whose actions are determined by the laws of Maat.

11 ноября / 11 November
Заседание 3 / Session 3
10:00 –13:30

Модератор – Кукушкина Евгения Сергеевна
Moderator: Evgenia S. Kukushkina

Стеженская Лидия Владимировна
Ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом литератур народов Азии, Институт востоковедения РАН

Диалоги как традиционный жанр китайской литературы в трактате Лю Се «Резной дракон литературной мысли» (V - VI вв.)

В древней и средневековой китайской литературе представлено немало произведений, которые мы охарактеризовали бы как диалоги. Диалог, а точнее, диалоги как традиционный жанр китайской литературы выделяет и Лю Се. При этом, по крайней мере, один такой жанр (дуйвэнь – ответ на вопрос) он рассматривает в главе XIV, а два других близких между собой жанра диалога, объединенные под общей рубрикой дуй (ответ) – в главе XXIV. Жанр диалога, представленный в главе XIV «Цза вэнь» («Смешанные произведения»), можно назвать дуйвэнь (ответ на вопрос), так как Лю Се начинает свое описание с произведения с таким названием древнекитайского литератора Сун Юя (fl. 298-263 до н.э.). Полное название этого произведения «Ответ на вопрос Чуского правителя» («Дуй Чу ван вэнь») действительно указывает на исторический прецедент разговора Сун Юя с чуским Цинсян-ваном (на престоле 298-263 до н.э.). В произведении говорится, что чем способнее человек, тем меньше понимания он находит у людей. В основе этого жанра, согласно Лю Се, лежит негодование и выражение своей личной позиции приоритета моральных принципов над благами и спокойствием высокого общественного положения. Второй вид «ответа» (дуй) Лю Се рассматривает в главе XXIV «Совещание и ответ» («И дуй»). Как он отмечает, и и дуй – это всего лишь разновидности одного жанра. Дуй далее представлен у него под двумя названиями времен династии Хань (206 до н. э. – 220 н. э.) – дуйцэ и шэцэ (букв. ответ на вопрос, заданный в специальном эдикте цэ императора. Если дуй обозначал просто ответ, то шэ как бы отсылал к успеху в церемониальной стрельбе из лука (шэхоу).

Lidiya V. Stezhenskaya
Leading Research Fellow and Head of the Department of Literatures of the Peoples of Asia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Dialogues as a Traditional Genre of Chinese Literature in Liu Xie's Treatise *The Literary Mind and the Carving of Dragons* (5th–6th Centuries CE)

Ancient and medieval Chinese literature contains many works that we would characterize as dialogues. Dialogue – or, more precisely, dialogue as a traditional genre of Chinese literature – is also singled out by Liu Xie. At the same time, he examines at least one such genre (*duiwen*, "reply to a question") in Chapter XIV, while in Chapter XXIV he examines two other closely related dialogue genres grouped under the general heading *dui* ("reply"). The dialogue genre presented in Chapter XIV, "Zawen" ("Mixed Writings"), may be called *duiwen* ("reply to a question"), since Liu Xie begins his account with a work of this title by the ancient Chinese man of letters Song Yu (fl. 298–263 BCE). The work's full title, "Reply to the Question of the King of Chu" (*Dui Chu wang wen*), indeed points to the historical precedent of a conversation between Song Yu and King Qingxiang of Chu (r. 298–263 BCE). The work asserts that the more capable a person is, the less understanding he encounters among others. According to Liu Xie, this genre is grounded in indignation and in the expression of a personal position concerning the priority of moral principles over the benefits and tranquility of high social status. Liu Xie examines the second type of "reply" (*dui*) in Chapter XXIV, "Yidui" ("Deliberation and Reply"). As he notes, *yi* and *dui* are merely varieties of a single genre. In his work, *dui* is further represented under two Han-dynasty (206 BCE–220 CE) designations, *duice* and *shece* (literally, a reply to a question set in a special imperial edict [*ce*], whereas *dui* denoted simply a reply and *she* ostensibly alluded to success in ceremonial archery [*shehou*]).

Ни Наталья Ивановна
Старший научный сотрудник, Институт Востоковедения РАН

Диалог в средневековой корейской поэзии в жанре *сиджо*

В докладе рассматриваются основные виды диалога в средневековой корейской поэзии в жанре *сиджо*. На формирование форм диалога данного жанра оказали влияние восточные учения (конфуцианство и чань-буддизм), пришедшие в Корею из Китая. Диалог в поэзии – это особый художественный приём, в жанре сиджо он помогает раскрыть драматизм ситуации. Большое значение имеют **имплицитные формы** – то, что подразумевается, но не сказано прямо, а опосредованно. Такая структура в тексте сиджо определяется его жанровыми особенностями и влиянием чань-буддизма.

Natalia I. Ni
Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Dialogue in Medieval Korean *Sijo* Poetry

This paper examines the main types of dialogue in medieval Korean *sijo* poetry. The formation of dialogic forms in this genre was influenced by Eastern teachings – Confucianism and Chan Buddhism – that reached Korea from China. Dialogue in poetry is a distinctive artistic device; in the *sijo* it helps reveal the dramatic nature of a situation. Implicit forms – meaning conveyed indirectly rather than stated outright – are of great importance. This structure is shaped by the genre conventions of the *sijo* and by the influence of Seon (Chan) Buddhism.

Кукушкина Евгения Сергеевна
Старший научный сотрудник, зав. отделом литератур стран Азии и Африки, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

Развитие диалогичности паратекста малайской драматургии XX в.
Истоками малайской драматургии, родившейся в 1950-х гг., послужили представления переходного театра *бангсаван*. В его постановках использовались традиционные сюжеты с участием стандартных персонажей, чья речь и движения изобиловали клише. В ранних пьесах, написанных в поэтике *бангсавана*, паратекст почти не сообщал ничего нового – место действия, качества персонажей и пр. были общеизвестны. С этой точки зрения можно назвать его монологическим – не рассчитанным на ответную реакцию воображения.В реалистической драме (1960-е) паратекст приобрел содержательную ценность. Это было своего рода новое высказывание, нацеленное на отклик и рождение в воображении ярких образов – в этом смысле можно говорить о его диалогичности. С началом эры экспериментального театра (1970-е и далее), паратекст реалистических пьес утратил актуальность. В глазах авторов-экспериментаторов, своей конкретностью он сковывал творческое начало. Паратекст стал абстрактным, позволяя домыслить написанное драматургом, и тем самым откликнуться на его обращение. Иными словами, данное поколение авторов стремилось к новой диалогичности.

Evgenia S. Kukushkina
Senior Research Fellow; Head of the Department of Literatures of Asian and African Countries, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

The Development of Paratextual Dialogicity in Twentieth-Century Malay Drama

The origins of Malay drama, which emerged in the 1950s, lay in the conventions of transitional *bangsawan* theatre. Its productions used traditional plots involving stock characters whose speech and movements were full of clichés. In the early plays written in the poetics of *bangsawan*, the paratext communicated almost nothing new – the setting, the qualities of the characters, and so on were common knowledge. From this point of view, it may be called monologic: it was not designed for a reciprocal response from the reader's imagination. In realistic drama (the 1960s), the paratext acquired substantive significance. It became a kind of new utterance aimed at eliciting a response and generating vivid images in the imagination – in this sense, one can speak of its dialogicity. With the advent of the era of experimental theatre (the 1970s and thereafter), the paratext of realistic plays ceased to be relevant. In the eyes of experimental authors, its concreteness constrained the creative principle. The paratext became abstract, allowing the reader to complete what the playwright had written and thereby to respond to his address. In other words, this generation of authors sought a new form of dialogicity.

Миргородова Анастасия Вадимовна
младший научный сотрудник, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

Иерархичность в диалогах вьетнамской буддийской литературы эпохи Ли–Чан (XI–XIV вв.)

Доклад посвящен изучению показателей иерархичности в диалогах вьетнамской буддийской литературы эпохи Ли–Чан (XI–XIV вв.). Диалогическая форма является важной частью буддийских текстов и зачастую представляется в виде бесед наставника и ученика о различных положениях учения. В исследовании рассматриваются отрывки из таких значимых буддийскийх анталогий, как «Собрание лучших цветов из сада тхиен» (*вьетн*. Thiền uyển tập anh; «Тхиен уйен тап ань»), «Записи [о передаче] святейшего светильника» (*вьетн*. Thánh đăng lục; «Тхань данг лук»). Анализируется форма и структура диалогов, стилистика и степень развернутости фраз. Реплики собеседников выше по статусу регулярно отличаются большей иносказательностью, метафоричностью и

парадоксальностью ответа на заданный вопрос. Особое внимание уделяется роли акта молчания, прерывающего последовательный обмен высказываниями, в демонстрации различия прежде всего духовных статусов участников беседы.

Anastasia V. Mirgorodova
Junior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

Hierarchical Markers in the Dialogues of Vietnamese Buddhist Literature of the Lý–Trần Period (11th–14th Centuries)

The paper examines hierarchical markers in the dialogues of Vietnamese Buddhist literature of the Lý–Trần period (11th–14th centuries). The dialogic form is an important element of Buddhist texts and often takes the form of conversations between a master and a disciple about various points of the teaching. The study examines excerpts from such significant Buddhist anthologies as the *Collection of the Finest Flowers from the Garden of Thiền* (*Thiền uyển tập anh*) and the *Records of the Transmission of the Sacred Lamp* (*Thánh đăng lục*). It analyzes the form and structure of the dialogues, their style, and the degree of elaboration of individual phrases. Utterances by higher-status interlocutors are regularly more allegorical, metaphorical, and paradoxical in responding to a posed question. Particular attention is given to the act of silence, which interrupts the sequential exchange of utterances, as a means of demonstrating differences - primarily in the spiritual status of the participants in the conversation.

Бочковская Анна Викторовна
Доцент, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

«Я» и «мы»: диалогический нарратив в автобиографии Балбира Мадхопури «Обрубленное дерево»

Панджабский писатель Балбир Мадхопури (р. 1955) является представителем одного из относительно новых литературных направлений в независимой Индии – далитской литературы (*dalit sāhitya*). Наибольшую известность в Индии и за ее пределами ему принесла автобиография «Обрубленное дерево» (*Chāṅgiā rukh,* 2002): за четверть века она была переведена на хинди, урду, гуджарати, маратхи и другие южноазиатские языки, а также на английский (под названием *Against the Night*, 2010) и русский (2026; пер. с панджаби А.В. Бочковской). Далиты (букв. раздавленный, сломленный), то есть лица, принадлежавшие к низшим, наиболее отсталым с социально-экономической и культурной точки зрения слоям, прежде всего к зарегистрированным (неприкасаемым) кастам и племенам, ворвались в литературную жизнь Индии в 1970-х годах. Их произведения именуют «литературой протеста», «нарративами боли и сопротивления», поскольку, как правило, они представляют собой эмоциональный рассказ о жизни низкокастовых, о унизительных дискриминационных практиках со стороны высоких каст, которые не исчезли с обретением Индией независимости в 1947 г. Автобиографический жанр занимает особое место в «литературе угнетенных»: через «я»-повествование далитские авторы пытаются донести до читателей свои эмоции и взгляды на происходящее вокруг, рассказать и о себе, и о своем кастовом сообществе, никогда не отрывая себя от него. Автобиография Балбира Мадхопури заметно выделяется на фоне других произведений такого рода: автор ведет повествование не столько через собственный монолог, сколько через диалоги и полилоги – с семьей, с собратьями по касте чамаров-кожевников, с другими жителями панджабской деревни, в которой прошли его детские и юношеские годы. В докладе показано, как в книге выстроена эта форма коммуникации и что она дает

читателю для понимания далитской проблематики в автобиографии и – шире – в социокультурной жизни современной Индии.

Anna V. Bochkovskaya
Associate Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

"I" and "We": Dialogic Narrative in Balbir Madhopuri's Autobiography *Chāṅgiā Rukh*

The Punjabi writer Balbir Madhopuri (b. 1955) represents a relatively new literary movement in independent India – Dalit literature (*dalit sāhitya*). His fame in India and abroad was brought by his autobiography *Chāṅgiā rukh* ("The Lopped Tree," 2002): over a quarter of a century, it has been translated into Hindi, Urdu, Gujarati, Marathi, and other South Asian languages, as well as into English (as *Against the Night*, 2010) and Russian (2026; trans. from Punjabi by A.V. Bochkovskaya).
The Dalits (literally "crushed," "broken") – people belonging to the lowest social strata, the most socially, economically, and culturally disadvantaged, primarily the Scheduled Castes (formerly untouchables) and Scheduled Tribes – burst into India's literary life in the 1970s. Their works are called "literature of protest" and "narratives of pain and resistance," since they generally represent emotional accounts of the lives of lower-caste people and of the humiliating discriminatory practices by upper castes that did not disappear with India's attainment of independence in 1947. The autobiographical genre occupies a special place in the "literature of the oppressed": through first-person narration, Dalit authors attempt to convey to readers their emotions and views on what is happening around them, and to speak both about themselves and about their caste community without detaching themselves from it. Balbir Madhopuri's autobiography stands out noticeably against other such works: the author narrates not so much through his own monologue as through dialogues and polylogues — with his family, with his fellow caste members, the Chamar tanners, and with other inhabitants of the Punjabi village where he lived in his childhood and youth. The paper shows how this form of communication is constructed in the book and what it gives the reader for understanding the Dalit issues in autobiography and — more broadly — in the sociocultural life of contemporary India.

Астайкин Андрей Анатольевич, Дробышев Юлий Иванович,
Астайкин А.А. – независимый исследователь, Дробышев Ю.И. – старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН

Русь и Восток: Встреча на Калке

Первое столкновение русских с монголами, произошедшее в 1223 г., отразилось в ряде русских и восточных источников. Анализ содержащейся в них информации показывает непонимание русской стороной некоторых принципиальных моментов, которые были в порядке вещей на Востоке (конкретно, в монгольской культуре), что и послужило одной из важных причин поражения. В докладе, задуманном именно как диалог двух цивилизаций, предполагается осветить три таких момента: 1) этнический состав туменов монгольских полководцев Чжэбэ и Субэдэя; 2) ультиматум, который монголы выдвинули русским князьям; 3) монгольскую тактику ложного отступления, принятого русскими за бегство и приведшую их к разгрому на Калке. Будут подвергнуты сопоставительному анализу сообщения ранних русских летописей (Новгородской Первой, Лаврентьевской, Ипатьевского свода), некоторых западных источников и сведения восточных авторов: Ибн ал-Асира, Джувейни, а также китайской династийной истории «Юань ши» и других.

Andrey A. Astaykin, independent researcher;

Yuliy I. Drobyshev, Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Rus and the East: The Encounter on the Kalka River

The first clash between the Rus and the Mongols, which took place in 1223, is reflected in a number of Russian and Eastern sources. An analysis of the information they contain reveals the Russian side's failure to grasp certain fundamental assumptions customary in the East (specifically, in Mongol culture), and this was one of the important causes of the defeat. Conceived precisely as a dialogue between two civilizations, the paper is intended to shed light on three such points: 1) the ethnic composition of the tumens of the Mongol commanders Jebe and Subedei; 2) the ultimatum that the Mongols presented to the Russian princes; 3) the Mongol tactic of the feigned retreat, which the Russians mistook for flight and which led to their destruction on the Kalka. The paper will compare the accounts of the early Russian chronicles (the Novgorod First Chronicle, the Laurentian Chronicle, and the Hypatian Codex), several Western sources, and the reports of Eastern authors – Ibn al-Athir, Juvayni, the Chinese dynastic history *Yuan Shi*, and others.

Соколов Тимофей Кириллович
Научный сотрудник, Дом-музей М. Ю. Лермонтова (отдел ГМИРЛИ им. В. И. Даля)

«Азиатская Баниза» (1689) Г. А. фон Циглера унд Клипхаузена как пример диалога культур в романе

Роман Циглера является памятником позднего немецкого барокко, он был создан в рамках популярного в конце XVII- начале XVIII века течения «азиатского романа». Эту жанровую инвариванту можно охарактеризовать как попытку совместить разные культурные традиции и даже эпохи; в конкретном данном примере высокий литературный стиль Лоэнштейна, галантные сцены и учтивые беседы дам и кавалеров происходят в декорациях средневековой Мьянмы. Диалогизм в романе прослеживается не на уровне прения отдельных героев, а в виде сосуществования традиционных топосов западной литературы и этнографического интереса автора к культуре народов Азии, сведения о которой были почерпнуты им из отчётов европейских путешественников Раннего Нового времени. Немецкий текст имеет свою историю исследования, мой вклад в тему в рамках доклада состоит в том, что я озвучу некоторые итоги сравнительного анализа оригинала и русского рукописного перевода сер. XVIII века, последний элемент сравнения знаменует новый этап в восприятии темы диалога Востока и Запада.

Timofey K. Sokolov
Research Fellow, Lermontov House-Museum, a department of the V.I. Dal State Museum of the History of Russian Literature

"The Asiatic Banise" (1689) by H. A. von Ziegler und Klipphausen as an Example of the Dialogue of Cultures in the Novel

Ziegler's novel is a monument of the late German Baroque; it was written within the framework of the "Asiatic novel" trend popular in the late seventeenth and early eighteenth centuries. This genre invariant may be characterized as an attempt to combine different cultural traditions and even epochs; in this particular example, Lohenstein's elevated style, gallant scenes, and courteous conversations between ladies and cavaliers are set against the backdrop of medieval Myanmar. Dialogism in the novel manifests itself not at the level of disputes between individual characters but in the coexistence of traditional topoi of Western literature and the author's

ethnographic interest in the cultures of Asian peoples, information about which he drew from the accounts of European travelers of the early modern period. The German text has its own history of research; the contribution of this paper is to present some results of a comparative analysis of the original and a Russian manuscript translation of the mid-eighteenth century – the latter marking a new stage in the perception of the theme of dialogue between East and West.

Салбиев Тамерлан Казбекович
Владикавказский научный центр РАН

Словопрения пастуха с великаном в стихотворении Коста Хетагурова «Лæскъдзæрæн» («В пастухах»): ритуально-мифологический аспект

Сюжет достаточно прост: человек нанимается к великану пасти его скот, чтобы получить осенью часть приплода. В результате словопрений с великаном происходит эволюция образа пастуха от наемного работника к герою, мудрецу, обеспечивающему через отстаивание своих праву преодоление социального хаоса. В числовых загадках, пастух открывает базовые принципы космогенеза, затем, переходя к небылицам, проникает в пространство хаоса, трактуемому как источник материального изобилия. Очевидна и связь с типовым мотив осетинского нартовского эпоса, представляющим собой диалог-испытание юного героя, в котором находит отражение обряд воинской инициации. Камень, в который превращается великан, надежно укрепляет границу между миром природы и культуры. Сводя воедино время мифа и истории, поэт становится гостем пастуха и получает в подарок «тучную овцу» для ритуального жертвоприношения, укрепляющего основы божественного миропорядка.

Tamerlan K. Salbiev
Vladikavkaz Research Centre, Russian Academy of Sciences

The Verbal Disputation between the Shepherd and the Giant in Kosta Khetagurov's Poem "Læsk″dzæræn" ("In Service as a Shepherd"): The Ritual-Mythological Aspect

The plot is quite simple: a man hires himself out to a giant to pasture the giant's livestock in return for a share of the offspring in autumn. Through his verbal disputation with the giant, the image of the shepherd evolves from that of a hired laborer into a hero and sage who, by defending his rights, brings about the overcoming of social chaos. In numerical riddles the shepherd discloses the basic principles of cosmogenesis; then, moving on to tall tales, he penetrates into the space of chaos, interpreted as a source of material abundance. Also evident is a connection with a typical motif of the Ossetian Nart epic: the trial dialogue of the young hero, which reflects the rite of military initiation. The stone into which the giant is transformed reliably strengthens the boundary between the world of nature and that of culture. Bringing together the time of myth and the time of history, the poet becomes the shepherd's guest and receives as a gift a "fat sheep" for a ritual sacrifice that strengthens the foundations of the divine world order.

Перерыв на обед / Lunch break
13:30 –14:30

Заседание 4 / Session 4
14:30 –18:00
Модератор – Беларев Александр Николаевич
Moderator: Alexander N. Belarev

Московская Дарья Сергеевна,
зам. директора ИМЛИ РАН по научной работе, зав. отделом рукописей, и.о. зав отделом теории, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук

Св. Франциск Ассизский в диалоге с Небесным Отцом и аскетическое понятие «совершенной радости» (по материалам магистерской диссертации Н.П. Анциферова «Mater Franciscus», 1918)

В докладе рассматривается средневековое понимание житийного эпизода искушения св. Франциска Ассизского, перенесенного им в скиту Сартеано в горах Умбрии, когда он сотворил для себя из снега семью – жену и детей. Религиозный смысл этого события, раскрывающий драматизм отречения святого от брака и отцовства при глубоком приятии им тварного мира, был по-новому понят и интерпретирован последователем Вл. Соловьева историком-медиевистом Н.П. Анциферовым. Новизна подхода Анциферова определена заглавием его магистерской диссертации «Mater Fransiscus» (к вопросу об аскетизме Франциска Ассизского)», где используется житийное самоинование Франциска «матерью». «Материнство» Франциска осмысляется Анциферовым в свете соловьевского учения о семье и браке как преодолении замкнутости индивидуального существования, в случае св. Франциска – как диалога «ничто» и Вечно Сущего. Ключевыми словами такого диалога становятся понятия «сострадания» и «сорадования». Материнская любовь святого, ассоциирующаяся у Анциферова с архаическим образом «Великой Матери» – Кибелы и Вечной женственностью Вл. Соловьева, позволяет прочитать отношения Франциска с Небесным Отцом как семейные отношения, где личность осуществляет свое безусловное значение только вместе с другим лицом. Предлагается рассмотреть анциферовскую трактовку «совершенной радости» в контексте религиозно-философских исканий Серебряного века как радости, преодолевшей границы человеческой самости в диалоге с Другим и созидающей идеальную личность.

Daria S. Moskovskaya
Deputy Director for Research; Head of the Department of Manuscripts; Acting Head of the Department of Theory; Chief Research Fellow at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

St Francis of Assisi in Dialogue with the Heavenly Father and the Ascetic Concept of "Perfect Joy" (Based on N. P. Antsiferov's Master's Thesis *Mater Franciscus*, 1918)

The paper examines the medieval understanding of a hagiographic episode recounting the temptation experienced by St Francis of Assisi at the hermitage of Sarteano in the Umbrian mountains, where he fashioned a family—a wife and children—for himself out of snow. The religious significance of this episode, which reveals the drama of the saint's renunciation of marriage and fatherhood alongside his profound acceptance of the created world, was reinterpreted by the medieval historian N. P. Antsiferov, a follower of Vladimir Solovyov. The originality of Antsiferov's approach is reflected in the title of his master's thesis, *Mater Franciscus: On the Asceticism of Francis of Assisi*, which invokes Francis's self-designation as a "mother," as recorded in hagiographic sources.

Antsiferov interprets Francis's "motherhood" considering Solovyov's understanding of family and marriage as a means of overcoming the self-enclosure of individual existence. In Francis's case, this takes the form of a dialogue between "nothingness" and the Eternally Existent One. "Compassion" and "shared joy" emerge as the key concepts of this dialogue. The saint's maternal love, which Antsiferov associates with the archaic figure of the "Great Mother," Cybele, and with Solovyov's Eternal Feminine, allows Francis's relationship with the Heavenly Father to

be understood in familial terms: the person realizes his or her unconditional significance only in communion with another person.

The paper proposes to situate Antsiferov's interpretation of "perfect joy" within the religious and philosophical explorations of the Russian Silver Age, understanding it as a joy that transcends the boundaries of human selfhood through dialogue with the Other and brings the ideal person into being.

Беларев Александр Николаевич
старший научный сотрудник, ИМЛИ РАН

Учение о «сжатии» Божественного света («цимцум») в каббале и проблематика диалогического отношения

Доклад будет посвящен религиозно-философскому осмыслению диалога/спора в иудейской традиции. Наиболее пристальное внимание будет сосредоточено на толковании таких терминов лурианской каббалы, как «сжатие» (цимцум) и «пустое пространство», описывающих сотворение реальности «нетождественной» Творцу, в связи с возникновением самой возможности и необходимости диалога. Наиболее радикальное толкование понятия «цимцум» принадлежит крупнейшему хасидскому учителю рабби Нахману из Брацлава (1772-1810). Оно по-своему открывает постклассическую эпоху еврейской мысли, в которую понятие «цимцум» станет особенно актуальным.

Alexander N. Belarev
Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

The Doctrine of *Tzimtzum* ("Contraction") of Divine Light in Kabbalah and the Problem of Dialogic Relation

The paper is devoted to the religious-philosophical understanding of dialogue and disputation in the Jewish tradition. Particular attention is given to the interpretation of such Lurianic Kabbalistic terms as "contraction" (*tzimtzum*) and "empty space," which describe the creation of a reality "not identical" with the Creator, in connection with the emergence of the very possibility and necessity of dialogue. The most radical interpretation of the concept of *tzimtzum* belongs to the great Hasidic master Rabbi Nachman of Bratslav (1772–1810). His interpretation in its own way inaugurates the post-classical era of Jewish thought, in which the concept of *tzimtzum* was to become especially relevant.

Пащенко Михаил Викторович,
научный сотрудник, ИМЛИ РАН

Искусство диалога с самим собой: художественные аспекты жанра «Солилоквии» Шёфтсбери в интерпретации А.В. Михайлова

«Солилоквия, или Совет автору» (1710) Шёфтсбери, философа раннего Просвещения, занимавшегося вопросами этики и эстетики, – это философский монолог на тему, каким образом кто-либо может давать другому полезные для него советы. В англоязычном узусе термин «солилоквия» (изобретён бл. Августином) стал жанровым обозначением обращённого к самому себе монолога и усматривается как в чисто философских сочинениях (начиная со стоиков, где возник как преодоление формы философского диалога), так и в драме всех эпох, где герой вовлекает зрителя в собственные размышления. Поэтому произведение Шёфтсбери и его жанр рассматриваются здесь как

пересечение научно-философской и литературно-художественной повествовательных стратегий. Опорой служит интерпретация А.В. Михайлова как представителя русской исторической поэтики, кто ввёл творчество Шёфтсбери в оборот российской науки.

Mikhail V. Pashchenko
Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

The Art of Dialogue with Oneself: Artistic Aspects of Shaftesbury's "Soliloquy" Genre in A.V. Mikhailov's Interpretation

Shaftesbury's *Soliloquy, or Advice to an Author* (1710) – written by a philosopher of the early Enlightenment whose work addressed questions of ethics and aesthetics – is a philosophical monologue on how one person may give another advice that is useful to the latter. In English usage, the term "soliloquy" (coined by St. Augustine) came to designate a genre: a monologue addressed to oneself. It is found both in purely philosophical writings (beginning with the Stoics, where it arose as a means of overcoming the form of philosophical dialogue) and in drama of every period, where the hero draws the spectator into his own reflections. Shaftesbury's work and its genre are therefore treated here as an intersection of scholarly-philosophical and literary-artistic narrative strategies. The foundation for this reading is the interpretation offered by A.V. Mikhailov, a representative of Russian historical poetics who introduced Shaftesbury's work into Russian scholarship.

Сергеева Валентина Сергеевна
старший научный сотрудник, ИМЛИ РАН

Диалог, спор, диспут в поэме Уильяма Ленгленда «Видение о Петре Пахаре»

Аллегорическая поэма «Видение о Петре Пахаре» - произведение, в котором представлены разнообразные диалогические формы, играющие важную роль в композиции произведения. В их числе спор (прения) между пороками и добродетелями, что само собой представляло популярный жанр средневековой литературы; фрагменты научного (школьного) диспута с характерными формулами (ergo, contra); собственно диалог – беседы Повествователя с различными аллегорическими персонажами, представляющие собой обмен вопросами и ответами в катехизаторском духе и, возможно, наводящие на мысль о целевой аудитории поэмы – широкой, но не имеющей систематического образования.

Valentina S. Sergeeva
Senior Research Fellow, **A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences**

Dialogue, Dispute, and Disputation in William Langland's *Piers Plowman*

The allegorical poem *Piers Plowman* presents diverse dialogic forms that play an important role in its composition. Among them are the dispute (debate) between the Vices and the Virtues, itself a popular genre of medieval literature; fragments of a scholarly (school) disputation with its characteristic formulae (*ergo*, *contra*); and dialogue proper – the narrator's conversations with various allegorical personages, which consist of an exchange of questions and answers in a catechetical spirit and may point to an intended audience that was broad but lacked systematic education.

Гумерова Анна Леонидовна

старший научный сотрудник, ИМЛИ РАН

Диалог как теоретическая основа «Легендариума» Дж. Р. Р. Толкина

Повествовательная структура «Легендариума» Дж. Р. Р. Толкина отличается особой внутренней диалогичностью: миф, легенда, история всегда передается от рассказчика к слушателю. Так, в «Книге Утраченных Сказаний» (The Book of Lost Tales) повествование строится по классическому принципу «текста в тексте»: герой-мореплаватель оказывается на чудесном острове, где слушает предания о далеких временам от собеседников, наделенных именами и характерами. Многие сюжеты впоследствии претерпевают изменения, в том числе стилистические, однако рамочная композиция в том или ином виде сохраняется. Автор неизменно указывает на передачу легенды в устной или письменной форме от более древнего существа к менее древнему – несмотря на то, что в итоговом «Сильмариллионе», изданном уже посмертно, явная рамочная конструкция отсутствует.
Как можно видеть из черновиков и финального текста письма к Кэтрин Фаррер, тема «эльфийского повествования» была для Толкина чрезвычайно значима, хотя и не всегда могла стать предметом открытого обсуждения. В первом варианте авторского предисловия к «Властелину колец» тоже появляется тема диалога, а в первоначальной версии Пролога одной из ведущих мыслей оказывается вопрос о том, кто именно выступает свидетелем и рассказчиком того или иного события. Таким образом, диалог для Толкина служит наиболее естественным способом передачи знания. Именно поэтому рамочная композиция представляет собой смыслообразующую структуру его произведений, относящихся к «Легендариуму» – как завершенных, так и оставшихся в черновиках и набросках.

Anna L. Gumerova
Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Dialogue as a Theoretical Foundation of J.R.R. Tolkien’s Legendarium

The narrative structure of J.R.R. Tolkien’s Legendarium is characterized by a distinctive inherent dialogism: myth, legend, and story are always transmitted from a storyteller to a listener. Thus, in The Book of Lost Tales, the narrative is constructed according to the classic "frame story" principle: a mariner protagonist finds himself on a wonderful island, where he listens to tales of ancient times told by interlocutors endowed with specific names and characters. Although many plots subsequently changed, including stylistic ones, the frame narrative is preserved in one form or another. The author consistently indicates the transmission of the legend in oral or written form from a more ancient being to a less ancient one—despite the fact that in the final The Silmarillion, published posthumously, an explicit frame structure is absent. As can be seen from the drafts and the final text of the letter to Katharine Farrer, the theme of "Elvish narrative" was extraordinarily significant to Tolkien, even if it could not always become a subject of open discussion. In the first version of the author’s foreword to The Lord of the Rings, the theme of dialogue also appears, and in the initial version of the Prologue, one of the leading thoughts is the question of who exactly acts as the witness and narrator of a particular event. Thus, for Tolkien, dialogue serves as the most natural way of transmitting knowledge. It is precisely for this reason that the frame narrative represents a meaning-making structure in his works belonging to the Legendarium both – those that were completed and those that remained in drafts and sketches.

Соколова Лариса Сергеевна

Аспирант отдела теории, ИМЛИ РАН

Диалог в «Записках клуба “Мнение”» Дж.Р.Р. Толкина: Дискуссия как язык описания фантастического

Незаконченный роман Дж.Р.Р. Толкина «Записки клуба “Мнение”» (англ. “The Notion Club Papers”, 1945–1946 гг.) написан в форме протокола встреч вымышленного литературного клуба. Герои романа, члены клуба, обсуждают как различные проблемы литературы и языка, так и особые фантастические видения, открывающиеся некоторым их них. Научная дискуссия переходит в обсуждение сверхъестественного, вопросы филологии и способность человека к телепатии оказываются проблемами одного порядка. Сверхъестественная природа видений, предстающих перед персонажами, не констатируется автором и не принимается на веру, но становится предметом доказательства и рационального обсуждения внутри текста. Постепенное проникновение фантастических явлений в условно-реалистическое пространство Британии XX в. отражается на дискуссии и изображается в том числе через смену позиции персонажами, первоначально настроенными по отношению к фантастическому скептически.
Другой уровень диалога добавляют «Предисловие» и «Замечание ко второму изданию». «Записки клуба “Мнение”» написаны в форме «найденной рукописи». В «Предисловии» и «Замечании ко второму изданию» изображается псевдополемика между вымышленным издателем и вымышленными экспертами, высказывающими различные предположения о времени написания рукописи. Одной из гипотез становится пророческая природа рукописи. Сверхъестественное объяснение рассматривается персонажами-учеными наравне с более рациональными гипотезами. Обсуждение фантастического в рамках научной дискуссии утверждает фантастическое в качестве полноправной части описываемой реальности.
Таким образом, диалог между персонажами в «Записках клуба “Мнение”» не только становится основным способом организации текста, но и создает особый язык описания фантастического.

Larisa S. Sokolova

Postgraduate student, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Dialogue in “The Notion Club Papers” by J.R.R. Tolkien: Discussion as a Language for Describing the Fantastic

The unfinished novel “The Notion Club Papers” by J.R.R. Tolkien (1945–1946) is framed as the minutes of meetings of a fictional literary club. The novel’s characters, members of the club, discuss both various problems of literature and language and particular fantastic visions experienced by some of them. Scholarly discussion develops into an examination of the supernatural; philological questions and the telepathic notion turn out to be problems of the same order. The supernatural quality of the visions that appear to the characters is neither asserted by the author nor taken on faith, but becomes the subject of rational discussion and an object of proof within the text. Fantastic phenomena gradually penetrate the semi-realistic space of twentieth-century Britain, which is reflected in the discussion and depicted, among other things, through changes in the position of characters initially skeptical towards the fantastic.
Another layer of dialogue is added by the Foreword and the Note to the Second Edition. “The Notion Club Papers” are framed as a “found manuscript”. The Foreword and the Note to the Second Edition depict a pseudo-polemic between a fictional publisher and fictional experts debating the date of the manuscript. One of the hypotheses is the prophetic nature of the manuscript. The supernatural explanation is considered alongside more rational hypotheses.

Examination of the fantastic within the framework of scholarly discussion establishes the fantastic as a legitimate part of the reality represented in the novel.
Therefore, the dialogue between characters in “The Notion Club Papers” not only becomes the principal method of organizing the text but also creates a particular language for describing the fantastic.

Кирленкова Дарья Михайловна
преподаватель кафедры романо-германской филологии Историко-филологического факультета, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Бурлеск как диалог с каноном: перформативное и интертекстуальное переосмысление

Доклад рассматривает бурлеск как форму диалога с литературным и театральным каноном на материале англо-американских шекспировских бурлесков XIX века. Комический эффект бурлеска основан на тематическом несоответствии: узнаваемые шекспировские имена, сюжетные ситуации, цитаты и сцены сохраняются, но переводятся в иной регистр: бытовой, фарсовый, музыкально-эстрадный. Переразбиение строк, стилистическое снижение, каламбуры, перераспределение моральных ролей и превращение канонических эпизодов в эстрадные номера детрагедизируют оригинал и обнажают условность его нарратива. Бурлеск пародирует не только шекспировский текст, но и сценическую традицию его исполнения, работая с целым корпусом постановок. Одним из наглядных примеров являются метатеатральные финалы, в которых Шекспир-призрак вступает в спор с современностью, они представляют канон и массовую культуру как собеседников. Таким образом, бурлеск выступает формой afterlife классического текста, парадоксально укрепляющей его канонический статус и обеспечивающей его постоянную культурную реинтерпретацию.

Daria M. Kirilenkova
Lecturer, Department of Roman-Germanic Philology, Faculty of History and Philology, St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities

Burlesque as a Dialogue with the Canon: Performative and Intertextual Reinterpretation

The paper examines burlesque as a form of dialogue with the literary and theatrical canon, drawing on Anglo-American Shakespearean burlesques of the nineteenth century. The comic effect of burlesque rests on thematic incongruity: recognizable Shakespearean names, plot situations, quotations, and scenes are preserved but transposed into a different register – domestic, farcical, or musical-variety. Line resegmentation, stylistic downgrading, puns, the redistribution of moral roles, and the transformation of canonical episodes into variety numbers strip the original of its tragic pathos and expose the conventionality of its narrative. Burlesque parodies not only the Shakespearean text but also the stage tradition of its performance, engaging with an entire corpus of productions. Among the most illustrative examples are metatheatrical finales in which Shakespeare’s ghost enters into an argument with modernity; these finales present the canon and mass culture as interlocutors. Thus, burlesque acts as a form of the afterlife of the classical text, paradoxically strengthening its canonical status and ensuring its continual cultural reinterpretation.

Попов Александр Петрович, Стариков Андрей Андреевич
Аспиранты, Российский Университет Дружбы Народов

Восточный и западный векторы осмысления жанра «обрамленной повести» в отечественной критике XX века

В докладе анализируются западные и восточные литературоведческие подходы к рассмотрению обрамленного повествования, а также их влияние и рецепция в рамках отечественного литературоведения XX века на материале работ П. А. Гринцера («Обрамленная повесть»), С. Д. Серебряного («„Обрамленные повести“ в Индии и у монгольских народов») и других исследователей. Подход русских ученых несколько выделяется на фоне того, что предлагают науке их европейские и, например, азиатские коллеги. Именно усилиями советского индолога П. А. Гринцера обрамленное повествование обрело жанровую идентичность и стало повестью (в противовес функциональному немецкому rahmenerzählung). Термину удалось закрепиться в Европе и вернуться в Индию в качестве фундаментальной основы для дискуссий. Так, сборнике, опубликованном университетом Rashtriya Sanskrit Studies, П. А. Гринцера называют «главным авторитетом», а в венгерском фестшрифте в честь Терри Ганнелла, подчеркивают интернациональную природу гринцеровских работ.

Alexander P. Popov, Andrey A. Starikov
Postgraduate Students, Peoples' Friendship University of Russia

Eastern and Western Approaches to the "Framed Story" Genre in Twentieth-Century Russian Criticism

The paper analyzes Western and Eastern scholarly approaches to the study of framed narrative, as well as their influence on and reception within twentieth-century Russian literary scholarship, drawing on works by P.A. Grinzer (*The Framed Tale*), S.D. Serebryany ("'Framed Tales' in India and among the Mongolian Peoples"), and other researchers. The approach of Russian scholars differs somewhat from that of their European and Asian colleagues. It was largely through the efforts of the Soviet Indologist P.A. Grinzer that the framed narrative acquired generic status and came to be classified as a *povest* (as distinct from the functional German *Rahmenerzählung*). The term took root in Europe and returned to India as a fundamental point of reference in scholarly discussion. Thus, in a collection published by Rashtriya Sanskrit Studies University, Grinzer is described as a "chief authority," while a Hungarian Festschrift in honor of Terry Gunnell emphasizes the international scope of Grinzer's work.

12 ноября / 12 November
Заседание 5 / Session 5
10:00 –14:00

Модератор – Петрова Анастасия Андреевна
Moderator: Anastasia A. Petrova

Орехов Борис Валерьевич
Младший научный сотрудник, МГУ им. М. В. Ломоносова

Диалог в русской нарративной прозе XIX века в аспекте количественного литературоведения

В докладе предполагается представить количественные данные о распределении прямой речи как самого частого способа оформления диалога персонажей в русской нарративной прозе XIX века. Анализируемые произведения разбиты на 5 равных частей. Будет показано, что доля прямой речи не описывается монотонным трендом от начала к концу произведения. Вместо этого распределение имеет ∩-образную форму: минимум доли

прямой речи приходится на первую часть текста, максимум – на центральные части, к финалу доля несколько снижается, но остаётся выше начального уровня. Это позволяет сформулировать гипотезу о композиционной асимметрии нарратива: экспозиционная часть произведения ведётся преимущественно в монологическом режиме, диалогическая речь нарастает и достигает плато в средней части, а в финале частично уступает место авторскому резюмирующему повествованию. Иными словами, основной количественный эффект локализован в начале текста: первая часть устойчиво самая монологичная, тогда как части со второй по четвёртую образуют единое «диалогическое плато».

Boris V. Orekhov
Junior Research Fellow, Lomonosov Moscow State University

Dialogue in Nineteenth-Century Russian Narrative Prose from the Perspective of Quantitative Literary Studies

The paper presents quantitative data on the distribution of direct speech as the most frequent means of representing character dialogue in nineteenth-century Russian narrative prose. The works analyzed are divided into five equal parts. The analysis shows that the proportion of direct speech does not follow a monotonic trend from the beginning to the end of a work. Instead, its distribution follows an inverted U-shape (∩-shaped): the minimum proportion of direct speech occurs in the first part of the text, the maximum in the central parts, and toward the finale the proportion decreases somewhat but remains higher than the initial level. This makes it possible to formulate a hypothesis about the compositional asymmetry of narrative: the expository part of a work is predominantly monologic, dialogic speech increases and reaches a plateau in the middle part, and in the finale it partially gives way to summarizing authorial narration. In other words, the main quantitative effect is localized at the beginning of the text: the first part is consistently the most monologic, whereas parts two through four form a single “dialogic plateau.”

Веронин Тимофей Леонович
Доцент, Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет

Диалогическая роль цитат в «Дневниках» отца Александра Шмемана»

В докладе исследуется диалогизм как один из основополагающих принципов «Дневников» известного богослова и публициста русской эмиграции Шмемана. Автор непрерывно находится в диалоге с тем, что он слышит, видит и читает. Особенно характерно предстает этот диалогизм в использовании автором «Дневника» цитат из читаемых им книг.

Timofey L. Veronin
Associate Professor, St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities

The Dialogic Role of Quotations in *The Diaries of Father Alexander Schmemann*

The paper examines dialogism as one of the fundamental principles of *The Diaries* of Alexander Schmemann, a well-known theologian and essayist of the Russian emigration. The author is continuously in dialogue with what he hears, sees, and reads. This dialogism is especially evident in his use of quotations from the books he reads in *The Diaries*.

Кравчук Игорь Александрович
приглашенный исследователь, ИРЛИ РАН (Пушкинский дом)

«Нет, то не Фидий…»: А. К. Толстой в диалоге с классиками и современниками

Доклад посвящен упоминанию Фидия и статуи Зевса Олимпийского в одном из программных стихотворений А. К. Толстого – «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!..» (1856) Начало произведения, где утверждается божественный источник художественных образов, ориентируется на Греческую антологию и традицию размышлений об искусстве Фидия в диапазоне от Платона и неоплатоников до Лессинга, Винкельмана и Шеллинга. В 1867 г. стихотворение было переиздано в составе отдельной книги и попало в новый полемический контекст. К этому времени образ «Фидия-боговидца» был деконструирован в книге П.-Ж. Прудона «Искусство, его основания и общественное значение», ставшей важным фактором русской эстетической полемики 1860-х годов, вызванной, в свою очередь, переизданием работы Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Гений Фидия и его природу обсуждают Е. Н. Эдельсон, А. Немировский, П. Н. Ткачев. Так диалог с образом скульптора, увидевшего божество, становится для русской эстетики одним из действенных инструментов самоанализа.

Igor A. Kravchuk
Visiting Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences

The paper examines the references to Phidias and the statue of Zeus at Olympia in one of A.K. Tolstoy's programmatic poems, "In Vain, O Artist, Do You Think That You Are the Creator of Your Creations!.." (1856). The opening lines of the poem, which assert the divine source of artistic images, draw on the *Greek Anthology* and on the tradition of reflection on Phidias's art extending from Plato and the Neoplatonists to Lessing, Winckelmann, and Schelling. When the poem was republished in a separate book in 1867, it entered a new polemical context. By that time, the image of "Phidias the God-seer" had been deconstructed in P.-J. Proudhon's book *Art, Its Foundations and Social Significance*, which became an important factor in the Russian aesthetic polemic of the 1860s – a polemic prompted in part by the reissue of N.G. Chernyshevsky's *The Aesthetic Relations of Art to Reality*. E.N. Edelson, A. Nemirovsky, and P.N. Tkachev debated the genius of Phidias and its nature. Thus, for Russian aesthetics, dialogue with the image of the sculptor who beheld the deity becomes one of the effective instruments of self-analysis.

Кожевников Михаил Геннадьевич
Независимый исследователь, выпускник аспирантуры Новосибирского Государственного университета

Диалог как форма явления божественного откровения в апокалипсисах Древней Руси

Множество древнейших историй о схождении в загробный мир сопряжены с постижением сокровенных тайн. Иными словами, такие катабасисы имеют жанровые черты откровений или апокалипсисов. Однако именно в иудейских апокалипсисах, начиная с «Первой книги Еноха», появляется фигура проводника и неизменно сопутствующая описанию диалогическая форма: «что это?» – «это …». Впоследствии эта форма переходит и в христианские откровения. В иудео-христианских апокалипсисах диалог с angelus interpres часто переходит от простых пояснений к обсуждению глобальных проблем. Кульминацией откровений зачастую становится разговор с Богом – как правило, довольно односторонний: подробное, почти монологическое, раскрытие тайн творения («Вторая книга Еноха») или

напутствие («Завет Левия»). В редких случаях мы находим более динамичный разговор с уточняющими и наводящими вопросами и даже полемикой («Откровении Авраама»). В докладе представлен обзор диалогов с ангелом-проводником и Богом в древнерусских апокалипсисах.

Mikhail G. Kozhevnikov
Independent researcher; completed postgraduate studies at Novosibirsk State University

Dialogue as a Form of Manifestation of Divine Revelation in Old Russian Apocalypses

Many of the most ancient stories about descent into the netherworld are bound up with the comprehension of hidden mysteries. In other words, such catabases possess the genre features of revelations or apocalypses. However, it is precisely in Jewish apocalypses, beginning with the First Book of Enoch, that the figure of a guide appears, together with the dialogic form that invariably accompanies the description: “What is this?” – “This is…”. Subsequently, this form is carried over into Christian revelations as well. In Jewish and Christian apocalypses, dialogue with the *angelus interpres* often moves from simple explanations to the discussion of broader questions. Revelations frequently culminate in a conversation with God – as a rule, a rather one-sided one: a detailed, almost monological disclosure of the mysteries of creation (Second Book of Enoch) or a farewell exhortation (Testament of Levi). In rare cases, we find a more dynamic conversation with clarifying and leading questions and even polemical exchanges (Apocalypse of Abraham). This paper presents an overview of dialogues with the angel-guide and with God in Old Russian apocalypses.

Овчаренко Ольга Александровна
ведущий научный сотрудник, **ИМЛИ РАН**

Принцип диалогизма в португальской эклоге эпохи Возрождения

В докладе рассматривается принцип диалогизма в португальской лирической поэзии, начиная от галисийско-португальских песен и кончая эклогами эпохи Возрождения. Особое внимание уделяется поэзии Бернардина Рибейру и Камоэнса, которые обсуждали в эклогах главные проблемы своего времени. Анализируются их основные произведения, выполненные в этом жанре, и сравниваются их характерные черты. Кратко характеризуются и произведения их продолжателей.

Olga A. Ovcharenko
Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

The Principle of Dialogism in the Portuguese Renaissance Eclogue

The paper examines the principle of dialogism in Portuguese lyric poetry, from the Galician-Portuguese songs to the eclogues of the Renaissance. Particular attention is given to the poetry of Bernardim Ribeiro and Luís de Camões, who addressed the major issues of their time in their eclogues. Their principal works in this genre are analyzed, and their characteristic features are compared. The works of their successors are also briefly characterized.

Краснов Кирилл Михайлович
Аспирант, Самарский Национальный Исследовательский Университет им. Академика С. П. Королева

Поэтика слова как "живого организма" в эпистолярном наследии П. А. Флоренского: диалог восточной словесной традиции и западного интеллектуального канона

В докладе исследуется корпус лагерных писем П. А. Флоренского (1933–1937 гг.) в аспекте его художественной антропологии и структуры текста. Основное внимание уделено анализу слова как категории, объединяющей натурфилософское описание и наставительную прозу. Прослеживается диалог между византийско-русской логоцентрической парадигмой (восприятие слова как софийного символа и «пневматосферы») и западноевропейским рационализмом. Рассматривается «семиотическая автотрофность» текста: способность автора в изоляции конструировать из слова автономный смысловой космос. Выявляется связь поэтики соловецких писем с гомилетической традицией, где описание литорали и научные изыскания перерастают в онтологическую метафору. Доказывается, что через актуализацию «внутренней формы слова» автор преодолевает энтропию лагерного пространства, превращая частную переписку в факт непрерывного диалога культур Востока и Запада.

Kirill M. Krasnov
Postgraduate Student, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The Poetics of the Word as a “Living Organism” in P.A. Florensky’s Epistolary Legacy: A Dialogue between the Eastern Tradition of the Word and the Western Intellectual Canon

The paper examines the corpus of P.A. Florensky’s Gulag letters (1933–1937) from the perspective of his artistic anthropology and textual structure. Particular attention is given to the word as a category uniting natural-philosophical description and edifying prose. The paper traces a dialogue between the Byzantine-Russian logocentric paradigm – the perception of the word as a Sophianic symbol and of the “pneumatosphere” – and Western European rationalism. It also examines the “semiotic autotrophy” of the text: the author’s capacity, in isolation, to construct an autonomous semantic cosmos out of the word. The connection between the poetics of the Solovki letters and the homiletic tradition is revealed, where the description of the littoral zone and scholarly inquiry grow into an ontological metaphor. The paper demonstrates that, by actualizing the “inner form of the word,” the author overcomes the entropy of the camp space, turning private correspondence into an instance of the ongoing dialogue between the cultures of East and West.

Мусиенко Василий Анатольевич,
БГПУ им. Максима Танка
Вторичные значения существительных в романах Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и Т. Драйзера «Сестра Керри»

В докладе рассматриваются первичные и вторичные лексико-семантические варианты субстантивных номинаций, выявленные в романах Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и Т. Драйзера «Сестра Керри». Раскрываются модели семантической деривации, основанные на исходных значениях названий животных, птиц, названий некоторых продуктов, предметов, металлов, органических образований, проявлений физико-химических процессов, природных физических, атмосферных и космических явлений. В докладе рассматриваются метафорические и метонимические трансформации; анализ иллюстрируется примерами из произведений классиков русской и американской литературы. Раскрываются их семантическая полнота, специфика коннотативного содержания.

Vasily A. Musienko,
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

Secondary Meanings of Nouns in L.N. Tolstoy's *Anna Karenina* and T. Dreiser's *Sister Carrie*

This paper examines the primary and secondary lexical-semantic variants of noun nominations identified in L.N. Tolstoy's novel *Anna Karenina* and T. Dreiser's novel *Sister Carrie*. It identifies models of semantic derivation based on the original meanings of the names of animals, birds, certain products, objects, metals, organic formations, manifestations of physicochemical processes, and natural phenomena, including physical, atmospheric, and cosmic ones. The paper then considers metaphorical and metonymic transformations, illustrating the analysis with examples from works by classic Russian and American authors. The semantic completeness of these variants and the specificity of their connotative content are examined.

Забалуев Владислав Николаевич,
Независимый исследователь

Некоторые замечания о поэтике философского диалога у О. Уайльда и М. А. Алданова

В докладе идет речь о сходстве и отличии жанра философского диалога у художников столь разных эпох, каковы О. Уайльд и М. А. Алданов. Их разделяет многое, но есть и то, что соединяет воедино, делает одного едва ли не предшественником другого. Это – связь с просветительской традицией, ориентация на разум и – одновременно – понимание парадоксальности бытия. Оба в своих диалогах обращались к вопросам литературы и искусства, сочетая писательский талант с критическим; оба придерживались левых политических взглядов. Для обоих характерна и любовь к классической русской литературе, понимание ее связи с сегодняшним днем. Тем самым диалог между ними важен в том отношении, что помогает выявить неочевидные связи меж их текстами и показать важность им мыслей для нынешнего времени.

Vladislav N. Zabaluev
Independent researcher

Some Remarks on the Poetics of the Philosophical Dialogue in Oscar Wilde and M.A. Aldanov

The paper examines the similarities and differences in the genre of philosophical dialogue between two writers of such different epochs as Oscar Wilde and M.A. Aldanov. Much separates them, yet much also unites them and makes one of them almost a predecessor of the other. What unites them is their connection with the Enlightenment tradition, their orientation toward reason, and—at the same time—their understanding of the paradoxical nature of existence. Both addressed questions of literature and art in their dialogues, combining the talents of a writer and a critic; both also held left-wing political views. Both shared a love of classical Russian literature and an understanding of its relevance to the present day. The dialogue between them is therefore important: it helps reveal less obvious connections between their texts and demonstrate the continuing relevance of their ideas.

Подведение итогов конференции

Экскурсия для участников конференции в Особняк С.П.Рябушинского